

ПАСХАЛЬНЫЙ КОНЦЕРТ МАРИИ ГАМБАРЯН

Рос. муз. газета. - 2003. - № 6 (июнь). - с. 5

В конце апреля в Москве состоялся целый ряд мероприятий, посвященных 130-летию со дня рождения замечательного русского пианиста, одного из крупнейших фортепианных педагогов XX столетия К. Н. Игумнова. В числе этих мероприятий был и состоявшийся на Пасху в Большом концертном зале РАМ сольный концерт Марии Гамбарян, одной из последних учениц нашего выдающегося музыканта, ныне профессора РАМ имени Гнесиных.

Слушая выступления Марии Гамбарян, отмечая те черты, которые характерны для ее индивидуально-исполнительского облика, нельзя не отметить своеобразного изящества, утонченности, мягкости звучания. Невольно сравнивая ее игру с игрой других продолжающих доньне выступать учеников Игумнова - среди которых прежде всего

хочется назвать О. Бошняковича и Н. Штаркмана, - так или иначе задумываешься о поразительных но, к сожалению, сегодня во многом утраченных свойствах, присущих русской фортепианной школе, и школе Игумнова, может быть, в особенности. Это прежде всего относится к поразительно естественной организации времени, к тому *rubato*, тайну которого, как мне кажется, по каким-то причинам не всегда удается передать новому поколению наших пианистов.

Пожалуй, сильнее всего эта естественность и "неумышленность" *rubato* проявляется при исполнении Шопена. На концерте Гамбарян мы могли это услышать и в Балладе фа минор, а еще больше в двух мазурках - ор.17 № 4 ля минор и ор.33 № 2, ре мажор и в ослепительно сыгранном на бис Вальсе ор. 64 № 1.

Но Гамбарян не менее убедительна и в исполнении других авторов, порой достаточно от Шопена далеких, но, очевидно, близких и важных для ее великого учителя. Ведь и Соната Бетховена ор.31 № 2, и шумановская "Крейслериана", как известно, входили в число излюбленных сочинений Константина Николаевича Игумнова.

Нельзя не отметить, что свойства Гамбарян-пианистки как-то удивительно точно соотносятся с ее человеческими чертами, с ее открытостью, добротой, приветливостью, притом, что, с другой стороны, в исполнении драматических эпизодов Сонаты Бетховена или Баллады Шопена ее игра была в достаточной мере и мужественной, и волевой, и масштабной. И все-таки то, что наиболее располагает к себе любого слушателя ее игры, то, что,

может быть, является вообще "визитной карточкой" игумновской школы, - это некая изумительная интимность высказывания, та поразительная камерность интонации, когда слушатель ощущает, что "речь" пианиста обращена только к нему. Именно так прозвучала исполненная на бис шумановская пьеса "Грезы".

Гамбарян, как это отмечали рецензенты многих ее прошлых концертов, пианистка большого виртуозного потенциала, для нее словно не существует каких-то технических проблем (на описываемом концерте это доказало исполнение листовской "Кампанеллы"). Всестороннее владение инструментом позволяет сосредоточиться на том главном, что являлось сутью педагогической системы Игумнова: воспитание музыканта-лирика, поскольку лирика для Игумнова была все-таки глав-

ной составляющей музыки вообще. Слушая игру Марии Гамбарян и других воспитанников игумновской школы, явственно чувствуешь, что школа Игумнова жива, и хочется надеяться, что и в лучших учениках Марии Степановны игумновские традиции будут продолжаться столь же долго, сколько будет существовать русское пианистическое искусство.

Андрей Хитрук